

А.Е. Рыбас

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Аннотация. Анализируется идеологический контекст концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, показывается ее непригодность для характеристики ведущейся в настоящее время войны на Украине. Утверждается, что именно эта концепция выступает в качестве основания для мифологизации и демонизации конфликта, в результате чего культивируются нарративы о глобальной борьбе «демократий» против «автократий» в XXI в. Согласно этой мифологии, Украина представляет собой яркий пример «распространения демократии», это демократическая страна, сражающаяся против «автократической России», чтобы защитить не только свою собственную демократию, но и весь демократический Запад. Адресованные широким массам, такие нарративы не могут не вызывать критической реакции со стороны академического сообщества, в том числе в США и Европе. Приводятся примеры такой реакции – статьи американских профессоров, опубликованные в информационном бюллетене общества «Неравнодушные философы за мир» весной 2024 г. Сопоставляются концепции «нового космополитизма» Э. Деменчонка и «конца истории» Ф. Фукуямы, показывается их противоположная идейная направленность, обусловленная различием философских позиций: если последний стремится реанимировать метафизический дискурс с его монологизмом и нетерпимостью к инакомыслию, то первый – создать диалогическую философию поликультурного мира. Утверждается, что в истории русской философии уже давно сложилась традиция диалогической мысли, которую можно рассматривать в качестве ориентира для выхода из ситуации кризиса. Обращение к трудам русских философов позволяет понять, что война, развязанная на Украине, – это война против идеи человечности с целью расчеловечить мир, сделав его удобным для управления и манипуляций.

Ключевые слова: цивилизация, европоцентризм, новый космополитизм, война на Украине, интеркультурный диалог, русская философия.

Рыбас Александр Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент Института философии СПбГУ, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

1

Разразившаяся сегодня война на Украине – это факт, с которым до сих пор не хочет считаться философское и – шире – интеллигентское сознание. До сих пор война эта кажется, по крайней мере в России, невозможной, поскольку она нарушает привычный порядок тотально рационализированного мира, – тот порядок, который уже давно стал считаться естественным. Отсюда неспособность рефлексии справиться с осмыслением актуальных событий, в результате чего вместо объективного анализа возникают различные толкования – от мифологизации до демонизации.

Между тем, в той войне, которая ведется сейчас на Украине, нет ничего необычного. Следует подчеркнуть, что война эта началась не в 2022 г., когда Россия объявила о проведении специальной военной операции в Донбассе, и даже не в 2014 г., когда в Киеве был совершен военный государственный переворот, в результате которого к власти пришли экстремистские украинские националисты и стали проводить политику открытого террора, чтобы расправиться с теми людьми на Украине (а их было и до сих пор остается там подавляющее большинство), которые не соглашались признавать государственный переворот и были против идеологии агрессивного национализма и русофобии. Когда в 2014 г. киевские власти начали свою так называемую «антитеррористическую операцию», отправляя отряды вооруженных карателей убивать мирное население южных областей Украины, которое было объявлено пророссийским, т.е. неполноценным, утратившим чистоту украинской нации и поэтому подлежащим уничтожению, тогда началась гражданская война, но и ее нельзя считать началом той войны, о которой идет речь. Более приемлемая дата – 1991 г., когда был разрушен Советский Союз. Но и эту дату следует считать условной: она маркирует лишь начало новой, активной фазы войны. Сама же война длится века. И это, разумеется, не война между Россией и Украиной, а война между Россией и Европой – или, точнее, если воспользоваться термином С. Хантингтона, между Россией и «Западной цивилизацией». Чтобы понять существо современного конфликта на Украине, необходимо разобратся в причинах этой «войны цивилизаций».

2

В современной России опять встал вопрос: почему Европа – или, точнее, Западная цивилизация – враждебна России? Эту

враждебность нельзя объяснить украинским конфликтом, так как сам этот конфликт – результат изначальной враждебности, ее выражение. Конфликт на Украине был создан искусственно, это закономерный итог работы западных политтехнологов, и поддерживается этот конфликт активно и сознательно, прежде всего посредством вливания огромных денежных ресурсов и обеспечения благоприятного для войны информационного фона. Без вмешательства и непосредственной заинтересованности Запада в этом конфликте война на Украине закончилась сразу бы, как только она началась, а точнее, она вообще никогда бы и не начиналась.

Следует заметить, что истинные причины конфликта на Украине хорошо понимают все, кто заинтересован в том, чтобы беспристрастно взглянуть на вещи. Это касается в том числе и западных интеллектуалов. Например, весной 2024 г. философский факультет Дейтонского университета (Огайо, США) выпустил информационный бюллетень общества «Неравнодушные философы за мир» (Concerned Philosophers for Peace, CPP) [2], предназначенный для массовой рассылки, прежде всего среди академической аудитории. В этом бюллетене были опубликованы статьи, в которых был дан анализ современной геополитической ситуации с акцентом на военных конфликтах в Палестине и на Украине.

Уже в первой статье «Военная помощь США Украине: бизнес, как обычно?» почетный профессор философии Хэмлинского университета Дуэйн Кэди пишет: «Военная помощь США, призванная помочь Украине защититься от российской агрессии, превратилась в политический футбол». И спрашивает: «Кому выгодны эти расходы?» [1, с. 10]. Ответ, который следует из его рассуждений, очевиден: бенефициарами являются военные корпорации США. Схема обогащения на войне такова: «...США являются крупнейшим торговцем оружием в мире. Мы делаем страны более опасными, продавая или иным образом поставяя все более совершенное оружие все большему числу государств. И часто мы предоставляем “иностранную помощь”, которая возвращается к нам, поскольку иностранные государства, которым мы помогаем, “покупают” у нас оружие на деньги, которые мы им дали» [1, с. 10]. К сожалению, Д. Кэди не говорит прямо о том, что США, «помогая» Украине, на самом деле являются инициатором и главным участником конфликта. Более того, он думает (а может, намеренно воспроизводит востребованное в американском истеблишменте идеологическое клише), что для России война на Украине – это

«чужая война» и что даже победа в ней не сулит России ничего хорошего. Тем не менее, он остается последовательным в изобличении «экономической» стороны конфликта: «Война – мерзкий бизнес. Военнослужащие рискуют жизнью и порой лишаются конечностей. Все чаще обычные граждане попадают под перекрестный огонь или даже становятся мишенью; они теряют членов семьи, дома, больницы, школы и многое другое, а их страны могут быть превращены в руины. Экономике рушатся, все больше граждан становятся беженцами, культурам наносится сильный урон, вплоть до уничтожения, а образ жизни нарушен настолько, что может никогда не восстановиться... Да, война – это мерзкий – и дорогостоящий – бизнес. Но это бизнес. Многие получают прибыль. Поскольку корпорации, производящие оружие, получают все больше государственных контрактов, стоимость акций и дивидендов растет, выплачиваются бонусы, и, да, создаются рабочие места» [1, с. 10].

В другой статье информационного бюллетеня, озаглавленной «Гегемонистские войны НАТО в Югославии и на Украине» и написанной профессором университета Форт-Вэлли Эдуардом Деменчком, представлено очень качественное и подробное описание событий, приведших к военному столкновению на Украине [3]. Статья отличается глубоким знанием материала и пониманием сути социальных и геополитических тенденций, причем автор добивается максимально возможной убедительности своих выводов и оценок при помощи анализа документов и цитирования работ прежде всего западных источников. Собранные и систематизированные Э. Деменчком факты позволяют проследить хронологию и логику развития трагических событий, неуклонно ведущих к развязыванию Третьей мировой войны, а также понять, что именно США и НАТО изначально были инициатором этого конфликта и кто до сих пор остаются заинтересованными в его продолжении. Особое внимание в статье уделяется разоблачению современной мифологии, созданной американскими политтехнологами, а именно концепции глобальной борьбы «демократий» против «автократий» в XXI веке. Согласно этой мифологии, Украина представляет собой яркий пример «распространения демократии», это демократическая страна, сражающаяся против «автократической России», чтобы защитить не только свою собственную демократию, но и весь демократический Запад. Э. Деменчок убедительно показывает, что этот возвышенный нарратив на деле выступает средством уничтожения Украины, поскольку он призывает украинский народ к бесконечным жертвам, пред-

ставляя его в качестве героического «супермена» и «спасителя Запада» в глобальной «мыльной опере». Таким образом, Украина – всего лишь «жертвенная пешка на геополитической шахматной доске гегемонии» [3, с. 34]. Этот же самый нарратив используется западной пропагандой для оправдания конфронтационной политики США и ЕС, а также сотен миллиардов долларов и евро, потраченных на эту войну в виде военной и финансовой помощи, направленной на поддержку киевского террористического режима. «Политика глобального гегемонизма и ядерное оружие, – делает вывод Э. Деменчонок, – опасная комбинация, угрожающая миру во всем мире и существованию человечества. Политика гегемонистской односторонности в однополярном мире по своей сути является насильственной и представляет угрозу миру во всем мире. Поэтому ее необходимо остановить и заменить мирным сосуществованием и отношениями сотрудничества суверенных государств как равных, основанных на международном праве, в многополярном мире» [3, с. 35].

Причины враждебности к России со стороны Европы и всего «цивилизованного мира», очевидно, следует искать не в каких-то случайных обстоятельствах, будь то авторитарные правительства, борьба за сферы влияния, отсутствие демократических (разумеется, исключительно в европейском понимании) институтов и т.п. Можно вспомнить о том, что когда в 1990-е гг. Россия вдруг резко из «авторитарно-коммунистической» стала «свободно-демократической», когда все требования Запада, победившего в холодной войне, были выполнены, то это никак не повлияло на отношение к России «цивилизованного мира»; более того, это отношение стало еще более враждебным, и война продолжилась с новой силой.

Скорее, причины враждебности к России со стороны Запада имеют историософский или даже метафизический характер. По крайней мере, сейчас вполне очевидно, что это война, которую нельзя объяснить какими-то частными интересами или корыстными мотивами. Возможно, Хантингтон хотел подчеркнуть именно эту особенность противостояния, когда в статье «Столкновение цивилизаций?» (1993) писал: «Согласно моей гипотезе, основополагающим источником конфликтов в этом новом мире будет не идеология и не экономика. Великое разделение среди человечества и доминирующий источник конфликтов будет культурным. Национальные государства останутся наиболее влиятельными акторами в мировых делах, но основные конфликты в глобальной политике будут происходить между на-

циями и группами различных цивилизаций. Столкновение цивилизаций станет ареной сражений будущего. Конфликт между цивилизациями станет последней фазой эволюции конфликтов в современном мире» [4, с. 22]. Эта гипотеза потом получила у него более основательное развитие в монографии на эту же тему.

3

Возникает вопрос: неужели война – это постоянный спутник человеческой истории, который никуда не девается даже тогда, когда человечество достигает в своем развитии стадии «цивилизации»? Согласно американскому политологу, это так. Военные конфликты будут возникать всегда, какими бы развитыми народами ни были. Если раньше войны велись между государствами-нациями, затем – между идеологиями, то теперь они будут вестись, по мнению Хантингтона, между культурами, или цивилизациями.

Но так ли это? Не хотелось бы думать, что человечество, развиваясь, никогда не сможет достичь состояния прочного мира, который был бы основан не на вынужденном компромиссе и не на равенстве противоборствующих враждебных сил, а на «совершеннолетию разума» и «доброй воле». Не хотелось бы думать, что идея «вечного мира», о котором мечтал И. Кант, – это всего лишь утопия, вывод праздного философского ума. И разве такой мир не следовало бы назвать состоянием цивилизации?

Таким образом, налицо своего рода «цивилизационная» дилемма. С одной стороны, «цивилизацию» можно понимать как высшую степень социального развития, при достижении которой исключается вражда между народами, поскольку предполагается, что цивилизованные сообщества никогда не будут причинять друг другу вред, никогда не будут воевать друг против друга, так как они руководствуются в своих действиях разумом и идеей человечности; кроме всего прочего, это означает, что быть разумным – это уважать другого как такого же разумного существа, признавать его право быть другим, его право быть человеком. Последовательное развитие этой точки зрения ведет к созданию, например, концепции «нового космополитизма», которая в последние десятилетия становится все более и более популярной как в США, так и в Европе. «Суть нового космополитизма, – пишет Э. Деменчонок, – в его *диалогическом* характере, который включает укорененность, открытость культурному разнообразию, признание Другого и нормативность диалогических отношений с Другим – с отдельными людьми, социальными группами, нациями и культурами. Он

демонстрирует возможность примирения различий через диалогические отношения, не умаляя голоса и уникальности Другого: «единство в разнообразии» [5, с. 412].

С другой стороны, если считать вражду и войну существенной чертой человеческой жизни, то необходимо признать, что и в состоянии «цивилизации» войны не исчезнут, а только примут новую форму. Далее, следует признать, что сам факт войны между цивилизациями отрицает возможность того, чтобы эти цивилизации считались равноценными, имеющими право быть самобытными и отстаивать свою самобытность: поскольку война предполагает победу одной из сторон, то, следовательно, это приводит к утверждению превосходства одной цивилизации над другой и в итоге – ее подчинение, ликвидацию ее самобытности и как следствие – нивелирование культурного разнообразия в мире, установление единых и обязательных для всех стандартов жизни и мысли. С этой точки зрения, достигнутый цивилизационный мир – это всегда скрытая война.

Хорошей иллюстрацией такого мира является, например, концепция «конца истории» Ф. Фукуямы. Приветствуя триумфальную победу западного либерализма в идеологической войне с альтернативными воззрениями, и прежде всего с советским марксизмом, Фукуяма утверждал, что эта победа знаменует собой «не просто окончание холодной войны или завершение какого-то периода послевоенной истории, а конец истории как таковой; иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе» [13, с. 85]. Не стоит думать, однако, что «конец истории» гарантирует «вечный мир». Во-первых, в мире остается большое число «исторических» народов, и первая задача победившей «постисторической» цивилизации, представляющей собой содружество стран либеральной демократии, заключается в том, чтобы помочь этим народам вырваться из истории, что предполагает активное идеологическое, экономическое и военное воздействие на эти народы и их государства. По мнению Фукуямы, постисторический мир – это состояние, в котором окажется человечество лишь в далеком будущем; в настоящее же время идет и должна вестись жестокая война за достижение этого мира. Во-вторых, постисторический мир, даже если он будет достигнут, – это слишком хрупкое образование. Прежде всего, существует опасность того, что история в любой момент может возобновиться, т.е. стандарты «правильной» жизни будут нарушены. Кроме того,

в западном либерально-демократическом мире уже сейчас наблюдается тенденция к «великому разрыву», когда диктатура правильности приводит к противоположному результату – росту аномии, потере смысла и ценности жизни, превращению общества в толпу одиночек. В итоге Фукуяма приходит к выводу, что противодействовать этим процессам и сохранять состояние постистории можно лишь при условии наличия «сильного государства», т.е. прежде всего силовыми методами.

4

Очевидно, что концепции вечного мира и нового космополитизма, с одной стороны, и войны цивилизаций и конца истории, с другой, содержательно противоположны друг другу. В первом случае обосновывается необходимость многополярного мира, в котором диалог между культурами и цивилизациями является структурообразующим принципом мироустройства. Во втором случае мы видим попытку доказать преимущество монополярного мира, где социальный порядок обеспечивается государством-гегемоном, которое, объявив себя вершиной социально-политического прогресса человечества, берет на себя обязанность выполнять функцию вселенского арбитра и гаранта всеобщей справедливости.

Между тем, обе концепции имеют и нечто общее. Нельзя не заметить, что и теория нового космополитизма, и идеология гегемонизма основываются на чрезмерной рационализации человека. А именно, в обоих случаях предполагается, что человек, как субъект социальных отношений, будет поступать преимущественно рационально, в результате чего все его действия можно будет понять и предвидеть. С точки зрения теории нового космополитизма, человек рано или поздно придет к выводу, что решение всех проблем достигается исключительно посредством диалога, который будет вестись в условиях равенства и взаимного уважения. Согласно концепции гегемонизма, оптимальная форма социального устройства уже найдена и реализована на практике в либерально-демократических государствах; следовательно, абсолютно все люди, как разумные существа, должны стремиться к установлению и поддержке либерально-демократического порядка, а если кто этого не делает, то ему достаточно объяснить преимущества западной цивилизации, и он обязательно станет на путь истинный (в том случае, если объяснение не сработает, допустимо, разумеется, применить силу и заставить человека стать счастливым, ибо цель, как известно, оправдывает средства, если она будет достигнута).

Теория нового космополитизма, безусловно, является более предпочтительной, чем теория гегемонизма, однако она, тем не менее, не может быть противопоставлена последней как истина – лжи. Дело в том, что рационализация человека делает ее утопичной. Действительно, эта теория работает только в том случае, если допустить, что человек добровольно согласится ограничить себя в своих притязаниях на господство и признает в другом человеке такое же полноправное и безусловно ценное существо, как и он сам. Кроме того, эта теория трактует диалог исключительно в положительном ключе – как конструктивный диалог между равноправными субъектами, стремящимися путем аргументированного рассуждения найти приемлемое для них обоих решение проблемы. Между тем, очевидно, что человек в его стремлении реализовать свою «волю к власти» совсем не обязан поступать рационально и признавать других людей равными себе: теоретическое обоснование равноценности каждого не является достаточным условием для совершения действия (как выражался в свое время М.М. Бахтин, для того, чтобы теоретически доказанная истина стала руководством к действию, нужно обязательно поставить под ней свою «подпись») [6]. Что касается диалога, то, очевидно, нет никакого резона исключать из сферы рассмотрения такие формы человеческого общения, как конфликт и война. Несмотря на то, что конфликты и войны – это то, что должно быть устранено из социальной жизни, они, тем не менее, представляют собой реальные способы интеркультурного диалога, с которыми нельзя не считаться.

Но если концепция нового космополитизма утопична, то идеология гегемонизма откровенно цинична: она предполагает расчеловечение мира как конечную цель социального развития. Ибо что такое мир, полностью соответствующий абсолютной идее, как не такой мир, в котором уже нет и не может быть места для человека? Действительно, человек, с его свободой воли и фактическим несовершенством, которое обуславливает его уникальность и вариативность, – это всегда нарушение порядка, или же «наделенная сознанием печатка» в выверенном тексте творения, если воспользоваться термином С. Кьеркегора [9, с. 304]. Тотальная рационализация мира предусматривает место для абстрактного, но отнюдь не для живого человека. Абстрактный человек – это существо, лишенное различий, причем не только культурно-исторических, но даже биологических. Такому человеку не нужна ни философия, ни культура. Не случайно Фукуяма, описывая постисторию как логическое завершение гегелевского идеализма и представляя Александра Кожева, по-

пулярного интерпретатора Гегеля, оказавшего влияние на интеллектуалов Европы 1930-х гг., как пророка и пионера постигшей исторической жизни, подчеркивает, что он перестал быть философом: «Действительно, жизнь Кожева вполне соответствовала его учению. Уверовав, что уже не осталось работы для философов, поскольку учение Гегеля было повсеместно правильно понято и усвоено, Кожев после войны оставил преподавание и провел остаток жизни (он умер в 1968 г.) в качестве чиновника Европейского экономического сообщества» [13, с. 88].

События последних лет отчетливо показали, что концепция конца истории является ошибочной, а надежда на то, что либеральная демократия способна дать человечеству прочный мир и обеспечить справедливое социальное устройство, оказалась тщетной. Все, против чего боролся европейский либерализм – авторитаризм, нетерпимость к инакомыслию, цензура, дискриминация, коррупция и т.д., – возродилось и получило небывалую раньше поддержку, но уже внутри самого либерализма. Сегодня под видом защиты либерально-демократических ценностей совершаются самые страшные преступления – от уничтожения культур до геноцида.

В таких условиях идея многополярного мира, который будет представлять собой полилог цивилизаций, становится все более привлекательной и получает все более основательное теоретическое обоснование. Свою лепту в это дело вносит и русская философская традиция.

5

В России уже в XVIII в. начинают широко обсуждаться вопросы, связанные с борьбой цивилизаций: европейской, с одной стороны, и русской, с другой. В процессе этой полемики были выработаны принципиальные положения, имеющие как философский, так и политико-идеологический характер, которые прочно вошли в основание «культурного кода» России.

Причины, в силу которых внимание русских мыслителей постоянно фокусировалось на проблематике борьбы цивилизаций, заключались в том, что начиная с XVIII в. в России проводилась интенсивная государственная политика европеизации всех сфер общественной жизни. Решая проблемы технической модернизации страны и заимствуя из Европы не только технологии, но и целые социальные институты, а также культурные ценности и нормы, Петр I создал благоприятные условия для того, чтобы в русском обществе сформировались такие важные для последующего развития общественной мысли вопросы, как

«Кто мы?», «Куда идем?», «Кто виноват?» и «Что делать?». Появившаяся в результате петровских преобразований русская интеллигенция (изначально это была так называемая «ученая дружина Петра I», сформировавшаяся на основе кружка Феофана Прокоповича) стала проводником европейской образованности в русском обществе, а также инициатором дальнейших реформ. Следует подчеркнуть, что успешное проведение той или иной реформы предполагало предварительное истолкование соответствующего нововведения с точки зрения традиции, т.е. согласование новых, европейских ценностей с традиционными ценностями русской культуры. В итоге уже в XVIII в. творческое противостояние двух цивилизаций стало определяющим для России.

В качестве примера активного диалога двух цивилизаций – европейской и русской – в интеллектуальном пространстве России XVIII в. можно привести сочинение В.Н. Татищева «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733). По форме оно представляет собой диалог двух «приятелей», один из которых, адепт допетровской Руси, спрашивает, а другой, сторонник европеизации России, отвечает. Таким образом, на страницах книги разворачивается оживленная дискуссия между двумя системами воззрений и ценностей – европейской и традиционно русской, причем Татищев, будучи пропагандистом петровских преобразований, не стремится представить своего оппонента необразованным или глупым, а, наоборот, внимательно относится к его аргументам и уважительно – к его ценностям. Доказывая, что «мы, переняв науки и искусства у европейских народов, великую славу и пользу приобрели» [10, с. 111], он пытается согласовать «благо цивилизации» и устои традиции. Конфликт цивилизаций, по мысли Татищева, может и должен быть разрешен мирными средствами, путем аргументированного размышления. С этой точки зрения, европеизация русской культуры представляет собой не ее отрицание, а развитие, прояснение изначально заложенных в традиции положительных ценностей.

6

В XIX в. своего рода стержнем социально-политической и философской жизни в России стали споры славянофилов и западников, причем и те и другие, каждый по своему, настаивали на том, что Россия представляет собой особый, самобытный тип цивилизации. Все началось с публикации первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева в журнале «Телескоп» (1836). Сопоставляя Россию и Европу, Чаадаев полностью отдавал пред-

почтение последней. По его мнению, Европа представляет собой пространство бытования объективного разума, там существует истинное христианство (католицизм), успешно развиваются науки и искусства, тогда как Россия оказалась «выброшенной из истории» и представляет собой *tabula rasa*. Причину отсталости России Чаадаев видел в приверженности к православию – изначально искаженному христианству, которое не позволяло России примкнуть к духовному единству цивилизованных, европейских народов. «Ведомые злой судьбой, – писал Чаадаев, – мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии», причём тогда, когда «Византия была оторвана от всемирного братства», и потому мы «приняли от нее идею, искажённую человеческой страстью» [14, с. 331]. В результате, «несмотря на звание христиан, мы не тронулись с места, тогда как западное христианство величественно шло по пути, начертанному его божественным основателем» [14, с. 326]. Характеризуя современную ему Россию, Чаадаев не жалел черных красок: «...мы никогда не шли вместе с другими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем преданий ни того, ни другого. Мы существуем как бы вне времени, и всемирное образование человеческого рода не коснулось нас... Мы принадлежим к нациям, которые, кажется, не составляют еще необходимой части человечества, а существуют для того, чтобы со временем преподать какой-либо великий урок миру» [14, с. 326].

Следует подчеркнуть, что Чаадаев критикует Россию не для того, чтобы показать ее ничтожность по сравнению с Европой и тем самым способствовать дальнейшей европеизации русской культуры. Как раз наоборот: сопоставление России с «цивилизованным человечеством» потребовалось ему для того, чтобы доказать самобытность России, ее особый путь. Будучи христианским мыслителем и понимая историю как осуществление божественного промысла, Чаадаев ставит вопрос о России с точки зрения ее предназначения в плане творения мира Богом. Если все, что происходит в мире, обусловлено волей Божией, а Россия – это *tabula rasa* и существует вне истории, то, значит, так и должно быть, ибо так угодно Богу. Понять, что такое Россия и почему она такая, какая есть, т.е. принципиально отличающаяся от Европы, – это значит понять, что мыслит о России Бог в вечности. Чаадаев стремится угадать эту мысль, и в результате создает оригинальную историософскую концепцию, согласно которой Россия – ключ к спасению всего человечества.

Разговор о России, начатый Чаадаевым, продолжили славянофилы и западники. В течение всего XIX в. противопоставление России и Европы позволяло русским философам обосновывать, с одной стороны, самобытность и важность «русского воззрения», а с другой, восхищаться достижениями «европейской цивилизации».

7

Особо следует отметить в этой связи сочинение Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869). Размышляя о причинах поражения России в Крымской войне (1853–1856), Данилевский пришел к выводу, что одной из причин являлось то, что император Николай I понимал эту войну как войну цивилизаций. А именно, он всерьез полагал, что основная задача России в войне против Османской империи – это решение так называемого «восточного вопроса», т.е. освобождение из-под власти турок покоренных ими христианских народов (греков, болгар, валахов, сербов, черногорцев). Таким образом, война России против Османской империи трактовалась им как война христианского мира с миром ислама. Ошибка Николая I заключалась в том, что он, подобно Хантингтону, полагал, что воюют цивилизации, а не государства, и что цели воюющих сторон определяются цивилизационными (религиозными), а не политическими или экономическими интересами. Когда же оказалось, что христианские европейские государства вступили в войну против России на стороне Турции, т.е. стали воевать за ислам и против христианства, то тогда миф о цивилизационном единстве быстро развеялся.

Данилевский задается вопросом, что же такое «цивилизация» и что обозначает быть «цивилизированным». Он начинает с того, что пытается выяснить причины ненависти Европы к России, – той ненависти, которая зачастую оказывается более веским аргументом в международных отношениях, чем экономические выгоды или же политические соображения. Он спрашивает: «Почему Европа враждебна России?». И отвечает: «Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это – одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе» [7, с. 24].

Таким образом, Данилевский фиксирует две основные причины, в силу которых Европа традиционно ненавидит Рос-

сию: 1) Россия представляет собою угрозу Европе, так как стремится ее завоевать; 2) Россия – это олицетворение зла, здесь нет ни свободы, ни прогресса. Конечно, Данилевский показывает, что оба эти обвинения являются ложными, что они специально были созданы на Западе, чтобы культивировать соответствующий негативный образ России и с его помощью решать свои, никак не связанные с Россией проблемы. Но в то же время он хорошо понимает, что мифологические представления о России неискоренимы на Западе, их нельзя опровергнуть или исправить, потому что миф – это не что-то отличное от реальности, а основание самой реальности. Нетрудно заметить, что указанные Данилевским обвинения являются стереотипными и существуют по сей день, они активно используются в современной политической риторике Западного мира.

Далее Данилевский задается вопросом, что же такое Европа. И отвечает: «Смысл “Европы” не географический, а культурно-исторический... Европа есть поприще германо-романской цивилизации... Европа есть сама германо-романская цивилизация» [7, с. 58]. Анализируя понятие цивилизации, как оно используется на Западе, Данилевский показывает, что это концепт европоцентристской историософии. Согласно этой историософии, которая возникла в Европе, прежде всего во Франции, еще во второй половине XVIII в., возможна только одна – общечеловеческая – цивилизация, и именно та, которая в настоящий момент достигнута в Европе. Все остальные культуры ранжируются исходя из признания превосходства европейской цивилизации и структурируются посредством таких концептов, как «дикость» и «варварство».

Данилевский пытается найти основания, в силу которых европейскую цивилизацию можно было бы считать оптимальной формой человеческого существования, и не находит ничего иного, кроме тенденциозного истолкования человеческой истории и желания нивелировать многообразие культур. Вывод Данилевского такой: германо-романская цивилизация не совпадает с “общечеловеческой цивилизацией” и не является ее цветом.

Обосновывая этот тезис, Данилевский создает теорию локальных цивилизаций, или «культурно-исторических типов». Согласно этой теории, все культурно-исторические типы равноценны, их нельзя рассматривать в контексте развития от культур примитивных до высших.

Данилевский противопоставляет европоцентристской историософии естественную систему исторического развития локальных цивилизаций. Следует отметить, что, настаивая на

уникальности локальных цивилизаций, он выступает против изоляционизма и разрабатывает своеобразные формы интеркультурного общения, которым дает биологические названия: пересадка, или прополка; прививка; удобрение. Прогресс, по мнению Данилевского, состоит не в том, чтобы все народы развивались в одном направлении, а в том, чтобы во всех направлениях исходить поле исторических возможностей существования человечества.

Работа Данилевского оказала большое влияние на развитие цивилизационного мышления в России (под непосредственным воздействием идей Данилевского находились Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов, К.Н. Бестужев-Рюмин и др.), а также в Европе. Например, О. Шпенглер, опираясь на ключевые положения теории Данилевского, пишет свой «Закат Европы», анализируя ужасный опыт Первой мировой войны. Концепция множественности цивилизаций представлена и в «Постижении истории» А. Тойнби¹.

8

В XX в. критика европоцентризма и идеи единственной цивилизации была продолжена в России в работах евразийцев. Основатель евразийства Н.С. Трубецкой в трактате «Европа и человечество» провел скрупулезный анализ тезиса европейской исключительности и показал, что романо-германский эгоцентризм умело маскирует себя при помощи противопоставления таких понятий, как «шовинизм» и «космополитизм», в то время как эти понятия являются абсолютными синонимами.

Трубецкой опубликовал свой трактат в 1920 г. и представил в нем анализ причин и последствий Первой мировой войны, связанной «цивилизированным человечеством». Эта война, отмечает Трубецкой, многим раскрыла глаза на то, что под личиной европейской цивилизации скрывается ненасытная алчность, беспринципность, жестокость и агрессия. Вообще лицемерие, или, как сегодня принято говорить, двойные стандарты – это одна из самых важных черт европейской цивилизованности. Трубецкой демонстрирует это лицемерие при помощи анализа двух контрастных понятий: шовинизм и космополитизм.

Шовинизм, как идеология национального превосходства, ставящая целью обоснование права на дискриминацию, эксплуатацию и угнетение других народов мира, как известно, по-

¹ О влиянии Данилевского на Шпенглера и Тойнби см.: [12].

рицается в Европе, поскольку нарушает права человека и стимулирует конфликты на национальной почве. Шовинизму противопоставляется космополитизм, который, как кажется, утверждает совсем другие ценности. Однако, как показывает Трубецкой, никакой принципиальной разницы между шовинизмом и космополитизмом нет. «При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова “человечество”, “общечеловеческая цивилизация” и прочие являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия» [11, с. 59]. Ибо, выступая за права человека как такового, европейские космополиты понимают под человеком как таковым именно европейца, с его обычаями и ценностями. А значит, все другие культуры, которые отличаются от европейской, подлежат устранению. Космополит так же, как и шовинист, сеет ненависть между народами и требует уничтожения всех, кто не похож на него.

Но европейская культура, делает вывод Трубецкой, не есть культура человечества. Это продукт истории определенной этнической группы. Следовательно, «европейский космополитизм» правильнее было бы называть откровенно общероманогерманским шовинизмом... Психологическое же основание космополитизма – то же самое, что и основание шовинизма. Это разновидность того бессознательного предрассудка, той особой психологии, которую лучше всего назвать эгоцентризмом. Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ то, которое к нему ближе, более на него похоже, – лучше, а то, которое дальше отстоит от него, – хуже. Поэтому, всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной» [11, с. 60]. «Романогерманцы, – продолжает Трубецкой, – были всегда столь наивно уверены в том, что только они – люди, что называли себя “человечеством”, свою культуру – “общечеловеческой цивилизацией” и, наконец, свой шовинизм – “космополитизмом”» [11, с. 64].

Интересно, что Трубецкой видит в экстремизме европейской цивилизации угрозу не только России, но и всему человечеству. Очевидно, что люди, живущие в Европе, также входят в состав человечества, а значит, экстремизм европейской цивилизации и для них представляет большую опасность. Таким образом, Трубецкой отделяет идеологию европейской исключительности от европейской культуры. Последняя всегда была ценна для России, и именно в диалоге с европейской культурой

развивалась русская культура, заимствуя лучшее и по праву считая себя ее преемницей.

Выводы, к которым пришли и Данилевский, и Трубецкой, а также многие другие русские мыслители XIX–XX вв., таковы: существует не одна, а множество цивилизаций; все цивилизации одинаково ценны, самодостаточны и равны; существенным признаком цивилизации является ее способность признавать равными все другие цивилизации, вступая с ними в диалог, а не стремясь подчинить себе; следовательно, «война цивилизаций» невозможна, это пустое понятие, или, точнее, идеологема, смысл которой заключается как раз в том, чтобы не допустить появления множества цивилизаций.

9

Современные события, в том числе и война на Украине, а также многочисленные актуальные и потенциальные военные конфликты по всему миру, которые сегодня трактуются как «столкновения цивилизаций», требуют более пристального внимания, в том числе и со стороны философов. Может быть, это даже единственный в настоящее время предмет философского интереса.

Война на Украине позволяет сейчас понять главное. Это не война русских против украинцев и даже не война России против Европы, или – шире – против Западного мира в целом. И Россия, и Украина, и Европа – жертвы в этой войне. Эта война ведется не между цивилизациями и даже не между государствами, а между претендующими на мировое господство капиталистическими корпорациями, с одной стороны, и всем человечеством, с другой. Это война против идеи человечности, а значит, против культуры, философии, религий. Цель этой войны – расчеловечение человека и мира. В последнее время часто приходится слышать, что по мере эскалации конфликта на Украине ставки растут, и таким образом человечество стоит на пороге Третьей мировой войны. Это отчасти так. Но мы должны понимать, что даже если человечеству и удастся избежать ядерной катастрофы, то оно все равно может быть истреблено – в том смысле, что превратится в легко управляемую бездумную массу. Мир, в котором человек низведен до уровня существа, все действия которого предсказуемы и моделируемы, нельзя считать человеческим. Это мир механистической цивилизации, где уже нет места ничему человеческому.

В свое время Ф.М. Достоевский в «Записках из подполья» доказывал, что человек никогда не сможет превратиться в

«фортепьянную клавишу» или в «штифтик». «Да осыпьте его всеми земными благами, – утверждал он, – утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, – так он вам и тут, человек, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает» [8, с. 116]. Однако современные архитекторы однопольного мира, как кажется, близки к тому, чтобы доказать обратное. Расчеловеченный мир – это уже почти реальность.

Нельзя не усмотреть в концепции «войны цивилизаций» еще один важный момент: а именно попытку сохранения и актуализации метафизического мышления. Философия, понятая как метафизика, определила в свое время судьбу Европы, ее расцвет и декаданс, а также тотальный кризис европейской культуры, который стал проявляться уже во второй половине XIX в. В настоящее время метафизический дискурс, будучи дискредитированным в плане философского познания и формально уступивший место другим, альтернативным практикам философствования, все еще утверждает себя в реальной жизни – в качестве регулятива политики глобализма. Очевидно, что идея единой цивилизации – это такой же концепт метафизики, как и понятие единой, вечной истины. То, что выдается сейчас за столкновение цивилизаций, – это агония метафизики, вполне реальная и опасная угроза всему человечеству.

Единственный способ противостоять этой угрозе заключается в том, чтобы, преодолев соблазны как традиционного европоцентризма, так и всех современных его модификаций, развивать неметафизическое мышление. Лучше всего это достигается в интеркультурном диалоге. Именно здесь – основа для будущего мира.

Литература

1. *Cady D.* US Military Aid to Ukraine: Business as Usual? // Concerned Philosophers for Peace. Newsletter. Vol. 32 (Spring 2024) / Eds.: C. Lewis, C. Farvin. University of Dayton, 2024. P. 10, 16.
2. Concerned Philosophers for Peace. Newsletter. Vol. 32 (Spring 2024) / Eds.: C. Lewis, C. Farvin. University of Dayton, 2024.
3. *Demenchonok E.* NATO's Hegemonic Wars in Yugoslavia and Ukraine // Concerned Philosophers for Peace. Newsletter. Vol. 32 (Spring 2024) /

- Eds.: C. Lewis, C. Farvin. University of Dayton, 2024. P. 11, 21–35, 45–48.
4. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72, no. 3. P. 22–49.
 5. Latin American and Russian Philosophy and Literature in Dialogue: Raul Fornet-Betancourt's Conversation with Edward Demenchonok // *Dialogue and the New Cosmopolitanism. Conversations with Edward Demenchonok* / Ed. F. Dallmayr. Lanham: Lexington Books. P. 375–418.
 6. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
 7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
 8. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 99–179.
 9. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 251–350.
 10. *Татищев В.Н.* Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения. Ленинград: Наука, 1979. С. 51–132.
 11. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 55–104.
 12. *Тяпин И.Н.* Учение Н.Я. Данилевского как источник западноевропейской философии истории // *Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии*. 2023. Вып. 1(13). С. 50–56.
 13. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 84–118.
 14. *Чаадаев П.Я.* Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собр. соч. и избранные письма. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991.

Aleksandr E. Rybas

Russia and Europe: war of civilizations?

Abstract. The ideological context of Huntington's concept of the clash of civilizations is analyzed, and its unsuitability for characterizing the ongoing war in Ukraine is shown. It is argued that this very concept serves as a basis for mythologizing and demonizing the conflict, resulting in the cultivation of narratives about the global struggle of "democracies" against "autocracies" in the 21st century. According to this mythology, Ukraine is a prime example of "spreading democracy", a democratic country fighting against "autocratic Russia" to defend not only its own democracy but also the entire democratic West. Addressed to the broad masses, such narratives cannot but provoke

critical reactions from the academic community, including in the United States and Europe. Examples of such a reaction are given – the articles by American professors published in the newsletter of the society “Concerned Philosophers for Peace” in spring 2024. The concepts of “new cosmopolitanism” by E. Demenchonk and “the end of history” by F. Fukuyama are compared, and their opposite ideological orientation is revealed due to the difference in philosophical positions: while the latter seeks to reanimate the metaphysical discourse with its monologism and intolerance of dissent, the former seeks to create a dialogical philosophy of a multicultural world. It is argued that in the history of Russian philosophy there has long been a tradition of dialogical thought, which can be regarded as a guide to overcome the situation of crisis. Referring to the works of Russian philosophers allows us to understand that the war unleashed in Ukraine is a war against the idea of humanity in order to dehumanize the world, making it convenient for control and manipulation.

Keywords: civilization, Eurocentrism, new cosmopolitanism, war in Ukraine, intercultural dialogue, Russian philosophy.

Rybas Aleksandr Evgenievich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Associate Research Fellow at the Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.